

А. Ю. Митрофанов

Императрица Мартина в походах Ираклия: к проблеме генезиса идеи крестовых походов

УДК 94(495)+27-9
DOI 10.47132/1814-5574_2023_1_163
EDN UQSWMO

Аннотация: Автор статьи исследует историю брака императора Ираклия и императрицы Мартины, рассматривает авантюру самозванца Лже-Феодосия и исследует почитание Мандилиона в армии Ираклия в период персидской кампании. Автор полемизирует с П. Шпеком и доказывает, что Лже-Феодосий, описанный армянским епископом Псевдо-Себеосом и в сирийских источниках, не мог быть истинным Феодосием. Автор приходит к выводу о ключевой роли Мартины в политике Ираклия и высказывает гипотезу о происхождении миссориюв из клада в Каравасе, которое было связано с этапами политической биографии августа Давида, второго сына Ираклия и Мартины.

Ключевые слова: византийские самозванцы, Лже-Феодосий, Маврикий, Ираклий, Мартина, Хосров II Парвез, сасаниды, император, шах, Юстиниан II Ринотмет.

Об авторе: **Андрей Юрьевич Митрофанов**

Доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургской духовной академии Русской Православной Церкви.

E-mail: non-recuso-laborem@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

Для цитирования: Митрофанов А. Ю. Императрица Мартина в походах Ираклия: к проблеме генезиса идеи крестовых походов // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 163–179.

Статья поступила в редакцию 02.09.2022; одобрена после рецензирования 02.10.2022; принята к публикации 16.10.2022.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 1

2023

Andrey Yu. Mitrofanov

**Empress Martina in the Campaigns of Heraclius:
to the Problem of the Genesis of the Idea of the Crusades**

UDK 94(495)+27-9

DOI 10.47132/1814-5574_2023_1_163

EDN UQSWMO

Abstract: The author of the article explores the history of the marriage of Emperor Heraclius and Empress Martina, examines the adventure of the impostor False Theodosius and explores the veneration of the Mandylion in the army of Heraclius during the Persian campaign. The author argues with P. Speck and proves that the False Theodosius, described by the Armenian bishop Pseudo-Sebeos and in Syriac sources, could not be the true Theodosius. The author comes to the conclusion about the key role of Martina in the politics of Heraclius and puts forward a hypothesis about the origin of the Missori from the treasure in Karavas, which was associated with the stages of the political biography of August David, the second son of Heraclius and Martina.

Keywords: Byzantine impostors, False Theodosius, Mauricius, Heraclius, Martina, Khosrow II Parviz, Sassanids, Emperor, Shah, Justinian II Rhinotmetos.

About the author: **Andrey Yurievich Mitrofanov**

Doctor of Historical Sciences, Professor at the St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church.

E-mail: non-recuso-laborem@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

For citation: Mitrofanov A. Yu. Empress Martina in the Campaigns of Heraclius: to the Problem of the Genesis of the Idea of the Crusades. *Khristianskoye Chteniye*, 2023, no. 1, pp. 163–179.

The article was submitted 02.09.2022; approved after reviewing 02.10.2022; accepted for publication 16.10.2022.

*...defuncto Eraclio Augusto
apud Constantinopolim,
Heraclones, eius filius,
cum matre Martina
regni iura suscepit rexitque imperium...*

Paulus Diaconus, *Historia Langobardorum* IV. 49

На исходе Средневековья, между 1452 и 1466 гг., прославленный итальянский живописец Пьеро делла Франческа (1415–1492) расписывал фресками базилику Сан Франческо в умбрийском городке Аречцо по заказу местной знатной семьи Баччи. Эти фрески были посвящены истории Животворящего Креста, известной из «Золотой легенды» Якова Ворагинского. На одной из фресок живописец изобразил знаменитый эпизод из истории Животворящего Креста – битву между восточноримским императором Ираклием (610–641) и персидским шахом Хосровом II Парвизом (591–628). Войска Ираклия были представлены в миланских доспехах, современных художнику, под штандартами Священной Римской империи. Пьеро делла Франческа выбрал тему для своей работы далеко не случайно, ибо фрески, иллюстрирующие историю Животворящего Креста, стали художественным откликом автора как на падение Константинополя под ударами султана Мехмеда II Фатиха в мае 1453 г., так и на Собор в Мантуе, провозгласивший крестовый поход против турок-османов девять лет спустя. Фреска «Битва Ираклия с Хосровом» за освобождение Креста композиционно предваряется фреской, изображающей битву Константина с Максенцием. Подобная композиция в полной мере соответствовала византийской религиозно-политической идеологии, присутствующей в «Хронографии» Феофана (760–818), которая была переведена на латынь Анастасием Библиотекарем (810–879) и стала, таким образом, известна в Западной Европе.

Примерно два десятилетия спустя после создания фресок Пьеро делла Франческа, около 1481 г., испанский художник Мигель Хименес (1462–1505), ставший придворным живописцем арагонского короля Фердинанда II (1479–1516), продолжил изображение истории императора Ираклия. Мигель Хименес совместно с Мартином Бернатом (1450–1505) написал картину для приходской церкви Блезы (Теруэль), хранящуюся ныне в музее Сарагосы. На картине был представлен император Ираклий, возвращающий Животворящий Крест в Иерусалим после победы над персами в обществе равноапостольной императрицы Флавии Елены, матери Константина Великого. Причем лица Ираклия и Елены имели явное портретное сходство с католической королевской четой: Фердинандом и Изабеллой. Не исключено, что эта картина была создана под впечатлением нападения войск османского султана на Отранто, приморский город в Южной Италии, в 1480–1481 гг. Трагические события турецкого нашествия вызывали в воображении арагонских кабальерос, еще продолжавших реконквисту под Гранадой, героические образы Елены и Ираклия, ибо Елена некогда обнаружила Животворящий Крест, а Ираклий избавил его от персидского пленения. Интерес к византийскому историко-политическому наследству существовал при арагонском дворе очень давно, со времен византийской (никейской) императрицы Констанции/Анны Гогенштауфен (1230–1307), умершей в одном из монастырей Валенсии в 1307 г. Неслучайно двадцать лет спустя после создания картины Мигеля Хименеса последний претендент на византийский престол Андрей Палеолог, брат Московской великой княгини Софьи, продал права на корону императора Ираклия католическим королям: Изабелле и Фердинанду.

Но византийское наследство будоражило умы не только в Италии и Испании. Когда в 1494 г. король Франции Карл VIII (1483–1498) начал свой знаменитый итальянский поход, описанный Филиппом де Коммином, при французском дворе было объявлено, что главной целью похода является не только восстановление прав анжуйского королевского дома на Неаполь, но также подготовка крестового похода против турок для освобождения Константинополя. Образ императора Ираклия как первого

крестоносца, созданный в XII в. придворным хронистом Иерусалимского короля Амори I (1163–1174) Вильгельмом Тирским (1130–1186) [Guillaume de Tyr, 1986, II, 105–107], был хорошо известен во Франции благодаря многочисленным французским переводам «Истории» Вильгельма, появившимся начиная с 1223 г. Борьба Ираклия за освобождение Животворящего Креста сочеталась в сознании представителей рыцарской культуры с идеей крестового похода на Константинополь, снижавшей популярность во Франции и южной Италии после 1204 г. благодаря Роберу де Клари и Жоффруа де Виллардуэну, а после 1261 г. определявшей политику Манфреда Сицилийского и Карла Анжуйского. Кем же был в реальности исторический Ираклий, образ которого осмыслялся начиная с эпохи крестовых походов как образ первого императора-крестоносца?

Великое противостояние Восточной Римской империи и Сасанидского Ирана в первой половине VII в. было в свое время названо Л. Н. Гумилевым «мировой войной VII века». В это противостояние кроме двух главных его участников были вовлечены их ближайшие соседи, а именно Аварский каганат, славянские племена, арабы и Западный Тюркский каганат, а также отдаленные страны, о существовании которых восточные римляне начала VII в. при всей развитости их географических познаний имели лишь самые смутные представления: Восточный Тюркский каганат и Танский Китай. Война между Константинополем и Ираном началась в 603 г., когда сасанидский шах Хосров II Парвиз отказался признавать законным византийским императором узурпатора Фоку (602–610), объявил себя мстителем за убитого Фокой императора Маврикия (582–602) и оказал поддержку самозванцу из Эдессы, выдававшему себя за чудесно спасшегося сына и соправителя Маврикия — августиана Феодосия (590–601). Персы атаковали границы Восточной Римской империи и начали успешное наступление вглубь византийских провинций в Сирии, Армении и Малой Азии. Первый этап войны носил характер исключительно политического противостояния, в ходе которого Хосров II представлял себя защитником законных прав Лже-Феодосия, который был даже коронован в столице Сасанидской Персии, Ктесифоне, несторианским католиком Сабришо I (596–604) в качестве римского императора (Nöldeke, 1907, 519–520). Как отмечает автор сирийской «Хузистанской хроники», корона Лже-Феодосия перед самой коронацией была возложена на алтарь несторианского кафедрального собора в Ктесифоне. Вероятно, сирийские источники восходят к официальной персидской хронике «Kwataw-Namag» или же к документам сасанидского двора, в которых отстаивалась подлинность происхождения Лже-Феодосия. Хосров II был известен в Иране как покровитель христиан, в первую очередь христиан не-халкидонитов: несториан и монофизитов. Любимая жена Хосрова II по имени Ширин, возможно, была арамянкой и придерживалась несторианства (Chronique de Séerte, 1907, 467), или же, напротив, армянкой-монофизиткой. Под влиянием Ширин Хосров II длительное время оказывал покровительство христианам различных направлений, в частности несторианам, и воздвиг для жены три церкви: в честь Пресвятой Богородицы, апостолов и мученика Сергия (Euagrius HE VI. 21).

Хосров II оказывал также известное покровительство сирийским яковитам, которые встали на путь своеобразного примирения с несторианами перед лицом общей борьбы против халкидонитов — приверженцев «императорской» Церкви, официальной Церкви Восточной Римской империи. В частности, именно в период правления Хосрова II была, вероятно, учреждена знаменитая несторианская митрополия в Мерве, ставшая в VII–VIII вв. центром христианской миссии в Средней Азии и современном китайском Туркестане. В персидской литературе исламской эпохи, в частности в поэмах Абулькасима Фирдоуси (940–1020) и Низами Гянджеви (1141–1209), прекрасная Ширин становится центральной фигурой царствования Хосрова II. Несторианские средневековые историки предпринимали попытки отождествления Ширин с Мариам, дочерью императора Маврикия (Chronique de Séerte, 1907, 466), которая по преданию была выдана замуж за Хосрова II после того, как ее отец помог Хосрову II победить узурпатора Бахрама Чубина (590–591) и вернуть себе персидский престол (Фирдоуси,

1989, 388–391) [Pourshariati, 2008, 122–137; Daryaei, 2009, 31–32; Гумилев, 1962, 13–36]. Однако подобное отождествление сомнительно, так как Мариам была римлянкой, следовательно, придерживалась халкидонского исповедания и поддерживать несториан в Иране не могла. Вероятно, Ширин и Мариам — разные персонажи, и если Ширин действительно оставила заметный след как в истории несторианской церкви, так и в истории Сасанидской Персии в эпоху Хосрова II, то Мариам, по-видимому, представляет собой персонаж сирийской легенды [Baum, 2005, 35–38].

Характер войны между римлянами и персами принципиально изменился в октябре 610 г. 5 октября 610 г. в Константинополе высадился Ираклий Младший, командующий морской эскадрой, прибывшей из Карфагена. Он был провозглашен августом вместе со своей невестой Фабией, затем Ираклий и Фабия были коронованы патр. Сергием (610–638), между ними был заключен брак, а Фабия приняла тронное имя Евдокии (Chron. Pasch. 701. 11–13) [Speck, 1988, 27–28]. Фока, успевший утопить в Босфоре «золотой запас» империи, был арестован и подвергнут мучительной казни, подробно описанном коптским епископом Иоанном Никиусским, рассказ которого сохранился в древнеэфиопском переводе и был составлен по воспоминаниям очевидцев (Zotenberg, 1883, 432). Как отмечает армянский историк VII в. еп. Себеос (или же, что более вероятно, Псевдо-Себеос), первоначально Хосров II отказался признавать узурпацию Ираклия и заявил послам Ираклия о своей полной поддержке самозванца Лже-Феодосия (Ps. Sebeos, 1904, 57). Ираклий не был признан в качестве императора не только Хосровом II, но даже некоторыми византийскими военачальниками. В частности, брат Фоки, Коментиол, командующий экспедиционной армией, сосредоточенной в Сирии, перезимовав в Анкире, в начале 611 г. поднял мятеж против Ираклия и начал наступление на Константинополь. Во время ночного привала в одной из провинций Малой Азии Коментиол был убит патрицием Юстином, командиром армянского подразделения (Festugière, 1970, I, 121–123) [Мехмадиев, 2018, 1384–1401]. Мятеж Коментиола нашел отражение в литературном агиографическом произведении, созданном в эпоху императора Константа II (641–668) и известном как «Житие Феодора Сикеота». Автор «Жития» опирается на источники, относящиеся к началу правления Ираклия, и рассказывает читателю не только о мятеже Коментиола, но и о захвате персами Кесарии Каппадокийской, который произошел вскоре после убийства Коментиола Юстином (Festugière, 1970, I, 123–124). Возможно, Коментиол и Хосров II поддерживали связь через гонцов и действовали синхронно. Был ли связан мятеж Коментиола с его личной верностью свергнутому брату, или же в действительности Коментиол, узнавший о его свержении, решил встать на сторону Лже-Феодосия? Этот вопрос остается открытым.

Однако очень быстро Лже-Феодосий сошел с исторической сцены, о чем свидетельствует его исчезновение из хроник. Псевдо-Себеос упоминает участие самозванца в походе персидского полководца Аштата Йезтайяра в римскую Армению в 606/607 гг. и его важную роль во взятии персами Феодосиополя (Эрзурума). Автор «Хроники Сеерта» утверждает, что самозванец принимал участие в сирийской кампании персидских войск, в частности в осаде Дары, а затем оставил войска, отправился в Селевкию и был отравлен (Chronique de Séerte, 1907, 520). Если Лже-Феодосий был отравлен, то кем? Либо римскими шпионами, либо персами, которым самозванец был более не нужен в связи с изменением характера войны и превращением ее в войну исключительно религиозную. Восточно-римский историк Феофилакт Симокатта сообщает о слухах, согласно которым Лже-Феодосий будто бы получил от Хосрова II земельные владения на Кавказе (в Колхиде), где и скончался (Theoph. Simoc. VIII. 13. 4).

Пауль Шпек утверждал, что повествование Феофилакты Симокатты об убийстве истинного Феодосия, как и рассказ о самозванце Лже-Феодосии, представляет собой фальсификацию, элемент придворной пропаганды Ираклия, который спустя многие годы после описываемых событий, мягко говоря, не был заинтересован в том, чтобы признавать факт спасения в Иране старшего сына Маврикия, являвшегося законным императором, и тем самым расписываться в собственной узурпации престола [Speck,

1993, 175–254]. В частности, исследователь полагал, что после захвата Фокой Константинополя Маврикий действительно отправил своего сына Феодосия к Хосрову II просить о помощи (Theoph. Sim. VIII. 9. 11). Но легенда о перстне Маврикия, позднее присланном в Никею, где находился Феодосий, с приказом о его незамедлительном возвращении к отцу, была целиком придумана Феофилактом Симокаттой для обоснования ложного свидетельства о последующем убийстве наследника (Theoph. Sim. VIII. 9. 12; 11. 1). Точно так же Феофилакт будто бы придумал историю персидского вторжения в римские провинции в период правления Фоки (Theoph. Sim. VIII. 12. 10–11), а в действительности боевые действия между римлянами и персами начались только через несколько лет после переворота Ираклия в 610 г., что, по мнению исследователя, было связано с поддержкой Хосровом II неоспоримых прав Феодосия на римский престол. Правда, Пауль Шпек в своей критике текста Феофилакты Симокатты не учитывал сведения ни армянской, ни сирийской историографии. Как уже было отмечено, Псевдо-Себеос упоминает кампанию Аштата Йезтайра в римской Армении в 606/607 гг. и осаду персами Феодосиополя, в которой Лже-Феодосий принимал непосредственное участие, а автор «Хузистанской хроники» сообщает о коронации претендента в Ктесифоне несторианским католикосом Сабришо I, что по определению было несовместимо со статусом истинного Феодосия, провозглашенного римским августом отцом, императором Маврикием, еще 26 марта 590 г. [PLRE, 1992, 1293] и к тому же являвшегося халкидонитом. Зачем римскому августу, провозглашенному таковым при жизни своего предшественника, было короноваться в персидской столице у епископа, который с точки зрения Эфесского Собора 431 г. являлся еретиком? Ответ на этот вопрос очевиден лишь в том случае, если признать, что претендент являлся самозванцем и к реальному сыну Маврикия не имел ни малейшего отношения. Что же касается легенды о перстне Маврикия, эта легенда могла быть отзвуком реальных событий, которые, по-видимому, отличались от версии Феофилакты лишь тем, что в действительности перстень Маврикия был отправлен Феодосию не отцом, а его убийцей Фокой уже после казни Маврикия, дабы спровоцировать возвращение наследника и создать условия для расправы над ним.

Феофилакт Симокатта сообщает, что в 622–623 гг. Ираклий, готовивший поход против персидского полководца Рахзата, нашел во всей императорской армии только двух солдат, принимавших участие в мятеже Фоки и свержении Маврикия в 602 г. (Theoph. Sim. VIII. 12. 12). На этом основании Пауль Шпек утверждал, что секретарь Ираклия придумал этот эпизод специально в пропагандистских целях, для того чтобы продемонстрировать читателю: до тех пор, пока императорская армия состояла из солдат, замешанных в мятеже Фоки, военная удача отворачивалась от римлян, а Ираклий, непричастный к свержению Маврикия и его семьи, одержал над Хосровом II убедительную победу [Speck, 1993, 186–198]. С нашей точки зрения, эпизод, упомянутый Феофилактом Симокаттой, скорее представляет собой убедительное свидетельство разгрома императорской армии в ходе предшествующих военных кампаний в восточных провинциях, нежели умышленный прием для апологии Ираклия в духе пропагандистов XX в. Критика Пауля Шпека, направленная против Феофилакты, по-видимому, справедлива лишь в том, что касается т.н. завещания Маврикия, якобы найденного Ираклием запечатанным в начале его правления (Theoph. Sim. VIII. 11. 8–10). Согласно завещанию, Маврикий, впавший в болезнь, будто бы распорядился разделить империю между своими сыновьями. В действительности, если подобный документ и существовал, он, скорее всего, представлял собой план распределения военного командования между преемниками Маврикия на случай его смерти, составленный на основании аналогичного плана Константина Великого, также распределившего военное командование различными провинциями империи в 335 г. между сыновьями и племянниками накануне запланированного вторжения в Персию (Val. Anon. I. 6. 35). Феофилакт же представляет дело таким образом, будто Маврикий намеревался расчлнить империю, раздав провинции своим сыновьям, а Ираклий, напротив, явился собирателем римских провинций.

Как бы то ни было, после исчезновения самозванца борьба между Ираклием и Хосровом II очень быстро приобрела характер религиозной войны. Хосров II использовал несториан лишь до определенного момента, ибо коронация Лже-Феодосия несторианским католиком могла консолидировать сирийских христиан для борьбы против Восточной Римской империи на стороне персов, но могла только дискредитировать самозванца в глазах римлян и армян халкидонитов. После того как этот план провалился либо из-за гибели самозванца, либо из-за того, что коронация самозванца несторианским католиком автоматически превратила его на римской территории в вероотступника, Хосров II сбросил маску поборника легитимности и продолжал войну против римлян во имя зороастрийской ортодоксии. В 614 г. персидские войска под командованием Фаррухана Шахрбараза захватили Иерусалим, устроили массовые казни христиан в этом городе и вывезли в качестве трофея древо Животворящего Креста (Theoph., 1883, I, 300. 30–301. 5) [Speck, 1988, 68–74], найденное, согласно Сократу Схоластику, матерью Константина Великого (306–337) императрицей Флавией Еленой (ок. 250–328) (Socr. Schol. HE I. 17). В 615/617 гг. персы завоевали Египет вместе с Александрией и дошли до границ Эфиопии, а затем, по мнению П. Шпека, совершили марш через Киренаику и захватили Карфаген, создавая угрозу для владений Восточной Римской империи на Сицилии и в южной Италии. Пауль Шпек аргументированно обосновал историчность сообщения Феофана о взятии персами Карфагена (Theoph. 1883, I, 301. 12), исключив возможность ошибки переписчика (Карфаген=*Халкидон) на том основании, что в эпоху, когда создавались источники Феофана, послужившие основой для рассказа о персидском нашествии (2-я пол. VIII в.), Карфаген уже давно находился вне географических и политических представлений византийских монахов [Speck, 1988, 75–81]. Хосров II в письмах к императору Ираклию позиционировал себя в качестве открытого врага христианства, требовал от римлян отречения от Христа и принятия зороастризма (Theoph., 1883, I, 301. 21–24). Сложившаяся ситуация побудила Ираклия со своей стороны также превратить борьбу с персами в религиозную войну под знаком креста.

В качестве образца для себя Ираклий избрал императора Константина. Подобно Константину, готовившему вторжение в Сасанидский Иран весной 337 г. в Никомедии (Euseb. VC IV. 56–57), Ираклий перед отправлением в поход против персов весной 623 г. отпраздновал Пасху в этом городе вместе со всей семьей. На празднике вместе с Ираклием присутствовали его племянница и новая жена Мартина (ок. 595–641), а также дети Ираклия от первого брака: август Ираклий Константин и августа Епифания (Евдокия). После Пасхи дети вернулись обратно в Константинополь, а Мартина отправилась вместе с Ираклием к армии и далее в зону боевых действий (Chron. Pasch. 713. 19–714. 8).

Мартина умело использовала свою красоту и обаяние в качестве политического оружия [Kaegi, 2003, 244, 261; Garland, 1999, 61–72; Drapeyron, 1869, 73–77], в чем явно стремилась подражать своей великой предшественнице императрице Феодоре [Rubin, 1960, 98–121; Diehl, 1904, 35–37]. Однако, в отличие от Феодоры, которая нашла себе биографа в лице личного врага — Прокопия Кесарийского, Мартина осталась без собственного историка, а ее деятельность оказалась дискредитирована позднейшей пропагандой, созданной при дворе ее победителя Константа II (641–668). Пауль Шпек отмечал, что уже через два месяца после смерти императрицы Фабии/Евдокии от эпилептического припадка 13 августа 612 г., 4 октября того же года, Ираклий короновал в качестве *августы* в храме святого Стефана их годовалую дочь Епифанию/Евдокию (Chron. Pasch. 703. 5). Этот факт, по мнению историка, свидетельствует о том, что Ираклий не имел намерения вступать в брак после смерти Фабии. По свидетельству Феофана, в 617 г. Ираклий в письме аварскому кагану Баяну II [Olajos, 1976, 151–158] назвал кагана опекуном своего сына (Theoph., 1883, I, 303. 6–8), что, по мнению П. Шпека, означает только одно: в это время Ираклий не имел других законных сыновей, кроме Ираклия Константина. Наконец, на Пасху 623 г. в Никомедии, в старинном дворце Диоклетиана, присутствовали только дети Ираклия от первого брака,

в то время как Ираклий и Мартина были без детей. С точки зрения исследователя, это обстоятельство говорит о том, что в 623 г. у Ираклия и Мартины еще не было детей, а значит, их брак был заключен совсем недавно, возможно, в самом начале 623 г., но никоим образом не зимой 613/614 гг. (как сообщает Феофан), ибо в тот период не прошло еще и двух лет со дня смерти первой жены Ираклия императрицы Фабии [Speck, 1988, 33–43]. Гипотеза П. Шпека представляется нам вполне обоснованной и вносящей определенную логику в хаотическое нагромождение событий царствования Ираклия, известных нам в изложении Феофана.

Мартина, обладавшая не только красотой и энергией, но также умом и харизмой, в 623 г. очевидным образом сумела переломить настроение Ираклия, положительно повлияла на императора, способствовала его выходу из многолетней депрессии, начавшейся в 612 г. после смерти первой жены Фабии. Мартина стала его вдохновительницей и соратницей в период персидских походов 620-х гг., в ходе которых и родились их первые дети. Об этом свидетельствуют протоколы императорского двора, следы которых присутствуют в современной правлению Ираклия «Пасхальной хронике», а также в «досье» Георгия Синкелла, ставшего в начале IX в. основой повествования Феофана. История брака Ираклия и Мартины имеет непосредственное отношение к переломному периоду войны с персами и к последующей судьбе августа Ираклия Константина, ибо в конечном счете Мартина стала тем импульсом, который побудил императора лично возглавить армянскую экспедиционную армию и в союзе с тюрками нанести поражение войскам Хосрова II. Источники — Георгий Писидя, Никифор и Феофан — сообщают нам о том, что после того как в 622 г. Ираклий повредил ногу обломком мачты в результате кораблекрушения, а в 627 г. был ранен копьем в рот в битве при Ниневи, не считая более мелких ранений в поединках, Мартина лечила своего супруга и перевязывала его (Giorgio di Pisdia, 1959, 95–96 (Pers. I. 239–247); Niceph. Brev. 14; Theoph. 314; 318) [Frolow, 1953, 103].

Победа над персами и убийство Хосрова II сторонниками собственного сына Кавада Шируйе в 628 г. (Фирдоуси, 1989, 520–523) были для римлян знаковыми событиями, которые свидетельствовали о торжестве христианства над огнепоклонниками. Кульминацией религиозного переживания этого события стала церемония торжественного возвращения Ираклием Животворящего Креста из Ирана в Иерусалим и далее в Константинополь. История возвращения Креста из персидского пленения представляет собой масштабную исследовательскую проблему, ибо разнообразные источники сообщают различные даты возвращения Ираклием Животворящего Древа, которые приходится на время правления Кавада II Шируйе (628), маленького Ардашира III (628–629), узурпатора Фаррухана Шахрбараза (629–630) и царицы Бурандохт (630–631). Современный византист Константин Цукерман, развивая аргументацию В. В. Болотова и А. А. Фролова, полагает, что подлинное Древо Животворящего Креста, захваченное персами в Иерусалиме, было после 614 г. безвозвратно утрачено, а в 629 и 630 гг. персы возвращали Ираклию подделки в запечатанных реликвариях, выдавая их за частицы святыни [Болотов, 1907, 78; Frolow, 1953, 88–105; Zuckerman, 2013, 197–218]. Поклонение Кресту стало концептуальным элементом благочестия императорской семьи Ираклия и Мартины, который будет иметь важнейшее значение для последующего развития как литургического благочестия, так и политической идеологии в Византии. Со времени Ираклия изображение Животворящего Креста будет неизменно чеканиться на монетах династии как государственный символ вместе с императорскими портретами.

Феофан сохранил в своем повествовании описание религиозных практик Ираклия и его речи, адресованные солдатам в период персидских походов 623–628 гг. П. Шпек датировал источники Феофана, повествующие о событиях войны Ираклия с персами, концом правления Ираклия, примерно 630-ми гг., и при этом утверждал, что при описании событий правления Фоки Феофан опирался на некий неизвестный источник, которым мог пользоваться также секретарь Ираклия Феофилакт Симокатта [Speck, 1993, 226–229; Greatrex, Lieu, 2002, II, 297]. Но в рассказе Феофана о походах Ираклия

основным источником хрониста был современник этого императора, греческий диакон и поэт Георгий Писида. Это обстоятельство позволяет нам признать подлинность речей, отражающих религиозно-политическую программу императора Ираклия. В этих речах Ираклий говорил о том, что римская армия идет защищать поруганные церкви, мстить за истинного Бога и за растление священных дев, освободить крест Христов. Ираклий приказал своему конвою возить вместо знамени (лабарума Константина?) Мандилион, икону Нерукотворного Спаса, и шел в бой вместе с иконой.

Георгий Писида пишет: «Он [Ираклий] взял тот Божественный и почитаемый образ с изображением Неопишумого, который не описывали руки человеческие, но который в написанной иконе отобразило все образующее и формирующее Слово, которое, как известно, зачато без семени. Ибо нужно, чтобы некогда зачатое без семени в дальнейшем было запечатлено без кисти, дабы посредством как того, так и другого твердо сохранялась вера в воплощение воплотившегося Слова в опровержение заблуждения фантазистов. Доверяя всецело этому богописанному образу, Ираклий посвятил Богу начало военной кампании» (λαβὼν δὲ τὴν θείαν τε καὶ σεβάσιμον μορφήν ἐκείνην τῆς γραφῆς τῆς ἀγράφου, ἣν χεῖρες οὐκ ἔγραψαν, ἀλλ' ἐν εἰκόνι ὁ πάντα μορφῶν καὶ διαπλάττων Λόγος ἄνευ γραφῆς μόρφωσιν, ὡς ἄνευ σποράς κύησιν αὐτός, ὡς ἐπίσταται, φέρει· ἐχρῆν γὰρ αὐτόν, ὡς τότε σποράς δίχα, οὕτω τυλοῦσθαι καὶ πάλιν γραφῆς ἄνευ, ὅπως δι' ἀμφοῖν τοῦ Λόγου μορφουμένου μένοι τὸ πιστὸν τῆς ἐνανθρωπήσεως, τῶν Φαντασιαστῶν ἐξελέγχον τὴν πλάνην, τούτῳ πελοῖθῳ τῷ θεογράφῳ τύπῳ, θείαν ἀπαρχὴν τῶν ἀγόνων εἰργάσω) (Giorgio di Pisidia, 1959, 91 (Pers. I. 139)).

Феофан (= Синкелл) пересказывает этот эпизод несколько иначе: «Сам император взял в руки Богомужеский Образ, который не описывали руки человеческие, но который в написанной иконе отобразило все образующее и формирующее Слово, которое, как известно, зачато без семени, и, всецело полагаясь на сей богописанный отпечаток, он пошел в бой...» (λαβὼν δὲ ὁ βασιλεὺς ἐν χερσὶ τὴν θεανδρικήν μορφήν, ἣν χεῖρες οὐκ ἔγραψαν, ἀλλ' [οἴαν] ἐν εἰκόνι ὁ πάντα μορφῶν καὶ διαπλάττων Λόγος, ἄνευ γραφῆς μόρφωσιν, ὡς ἄνευ σποράς κύησιν ἦνεγκεν, καὶ τούτῳ πελοῖθῳ τῷ θεογράφῳ τύπῳ ἀπλήρῃα τῶν ἀγόνων ...) (Theoph., 1883, I, 303. 17–20). Сообщение Писиды и Феофана повторяется также более поздними источниками: Георгием Амартолом (670. 12–13), Львом Грамматиком (150), Феоdosием Мелитинским (104) и Георгием Кедрином (I. 719. 5).

Учитывая, что Феофан часто пересказывал антииконоборческие исторические сочинения VIII в., главной темой которых была борьба за почитание икон, сообщение о том, что Ираклий возил во время боевых действий икону Нерукотворного Спаса, вызывает соблазн признать в рассказе Писиды интерполяцию, поздний элемент антииконоборческой пропаганды времен царствования императрицы Ирины. Доблестный Ираклий побеждал благодаря благословию чудотворного образа, который отвергли нечестивые Лев III (717–741) и Константин V (741–775). Можем ли мы допустить, что текст современника событий Георгия Писиды подвергся интерполяции в эпоху Ирины? Писида подчеркивает, что Мандилион представляет собой Нерукотворный образ, отпечаток Самого Бога Слова, не писанный человеческими руками. Подобное подчеркивание Писидой значения нерукотворности образа, наоборот, с большей вероятностью может быть интерпретировано как одно из ранних проявлений иконоборчества, которое впоследствии станет популярным в армии в царствование императоров Исаврийской династии. Ибо важнейшим тезисом иконоборцев в эпоху Константина V Копронима (741–775) было обвинение иконопочитателей в поклонении написанным, т. е. сотворенным, образам Христа и, тем самым, в изобретении четвертой тварной ипостаси Троицы.

Возможно, Мандилион, как и Животворящий Крест, продолжал присутствовать в армейской символике и при императорах-иконоборцах как дань уважения памяти Ираклия и как антитезис почитанию рукотворных, написанных человеком икон. Использование иконы Нерукотворного Спаса Ираклием в качестве знамени повлияло на последующую военную традицию, ибо стяги с образом Нерукотворного Спаса значительно позднее (в XIII–XIV вв.) и, очевидно, под византийским влиянием, получили

распространение в дружинах древнерусских князей. Известны, в частности, стяги «Всемиловейшего Спаса» блгвв. кнн. Александра Невского, великого князя Владимирского (1252–1263), и Дмитрия Донского, великого князя Московского (1359–1389), с изображением Нерукотворного Образа. Заимствование подобных стягов русскими князьями было возможно только в случае их длительного использования войсками Восточной Римской империи. Почитание Нерукотворного Образа, скорее всего, приобрело повсеместное распространение в византийском обществе и при дворе намного позднее эпохи Ираклия, а именно после осады Эдессы войсками Иоанна Куркуаса и выкупа им Мандилиона в 944 г. (Theoph. Continuatus VI. 48). Упоминание об этом событии было заимствовано автором хроники «Продолжателя Феофана» из сочинения некоего Мануила, которое было специально посвящено описанию военных походов Иоанна Куркуаса [Каждан, 1961, 78–96].

Однако сообщение Георгия Писиды о превращении Мандилиона в военный символ Ираклия заслуживает доверия по той причине, что локальное почитание образа Нерукотворного Спаса как защитника Эдессы во время войны Юстиниана I с персидским шахом Хосровом I Ануширваном (531–579) надежно засвидетельствовано уже источниками VI в.: Прокопием Кесарийским и Евагрием Схоластиком (Procopius BP II. 12; Euagrius HE IV. 27.). Почему же Ираклий выбрал для своего стяга именно образ Нерукотворного Спаса? Следует ли искать здесь влияние эдесского предания об Абгаре, учитывая возможное армянское происхождение Ираклия? Или же икона Нерукотворного Спаса была венчальной иконой Ираклия и Мартины, которых благословил этой иконой патр. Сергей в 622/623 г.? Я полагаю, что второй вариант более вероятен.

Для каждого, кто знаком с военными традициями римской армии, очевиден глубокий символический смысл превращения Ираклием образа Нерукотворного Спаса в стяг восточноримского войска. Как отмечает известный библист пастор Габриель Клингхардт, образ Нерукотворного Спаса как венчальной иконы Ираклия и Мартины мог заменить собой языческий символ горгоны Медузы, которая со времен принципата считалась эмблемой римской армии. Император Юлиан Отступник (361–363) в трактате «Против Гераклея» вкладывает в уста Афины следующие слова, обращенные к самому себе: «ἀλλὰ ποῦ σοὶ ἔφη ὁ λαὶ τὸ Γοργόνειον καὶ τὸ κράνος;» («но где, о чадо мое, твоя маска Горгоны и твой шлем»)? (Iulianus Contra Herakleion 22. 231c) Медуза постоянно изображалась на кирасах римских офицеров, о чем свидетельствует римская скульптура. Известно множество изображений Медузы как на т.н. мускульных кирасах, так и на «лорика сквамата» (чешуйчатом доспехе), а также на римских церемониальных поножах в районе коленного сустава, например на знаменитых поножах первой половины III в., найденных в кладе из Штраубинга, на дунайском лимесе [Schamper, 2015; Негин, 2010, 191–209].

Изображение горгоны Медузы рассматривалось не просто как армейская эмблема, но как сакральная печать, которая защищала римского солдата в бою подобно тому, как, согласно Овидию, отражение лица Медузы в щите Персея защитило некогда легендарного героя в поединке с ней (Ovidius Metam. IV. 775–790). Подобная интерпретация образа Медузы в римской военной символике опиралась на эллинистическую традицию, которая, в свою очередь, воспроизводила греческую военную эмблематику классической эпохи. Известно, в частности, древнее изображение Афины Паллады на амфоре, расписанной Андокидом (530–510 до Р. Х.), эгида которой украшена головой Медузы. Следовательно, голова Медузы употреблялась как военный символ уже в Архаической Греции. С точки зрения мифа, победа над Медузой делает возможным брак Персея со спасенной им Андромедой: таким образом, голова Медузы становится также знаком фортуны, символом счастливой любви.

Но счастливый брак Ираклия и Мартины, заключенный вопреки церковным канонам и общественному мнению, получил благословение Христа и не нуждался в языческих знаках. Ираклий, по-видимому, воспринимал образ Спаса Нерукотворного как знак благословения Господом его необычного брака с племянницей, который

вполне соответствовал традициям армянской (и, добавим, парфянской) аристократии. Поэтому Мандилион мог стать венчальной иконой Ираклия и Мартины. Император показывал образ Нерукотворного Спаса войскам перед персидским походом, тем самым предлагая отпечаток Лица Спасителя на Мандилионе в качестве замены языческому отражению Горгоны на щите Персея. Подобная реформа военной символики имела важнейшее значение с точки зрения дальнейшей христианизации восточно-римской армии и осмысления войны с персами как борьбы не только за величие Рима (Восточного Рима), но в первую очередь как войны за христианскую веру. Реформа военной символики, проведенная Ираклием накануне персидской кампании, могла также повлиять на прикладное искусство византийских оружейников. Существует гипотеза, согласно которой знаменитые кованые личины/маски на византийских шлемах, продолжавшие традицию личин/масок на кавалерийских шлемах римской армии [Негин, Кириченко, 2013, 245–253], имели не только сугубо практическое прикладное значение, но также интерпретировались под влиянием иконографии ангельских чинов. Одним из наиболее известных экземпляров композиционного шлема с личиной, представляющего собой вариант развития позднеимперских шлемов, является знаменитый шлем англосаксонского короля Редвальда (599–624), современника Ираклия, найденный в погребальной ладье из Саттон-Ху. В более поздние века личины в большом количестве заимствовались оружейниками Древней Руси, кочевниками: половцами, торками, аланами, а также тибетцами и монголами [Бобров, 2011, 204–209; Горелик, 1984, 79–80].

Солдатам Ираклий говорил так: «Вы видите, братья и дети, как враги Божьи попрали нашу страну, опустошили города, пожгли храмы, обагрили убийственной кровью трапезы бескровных жертв и церкви, неприступные для страстей, осквернили преступными удовольствиями... мужи, братья мои, возьмем себе в разум страх Божий и будем трудиться для отмщения за поругание Бога. Станем мужественно против врагов, причинивших много зла христианам; почтим величие римлян, чуждое порабощения» (Giorgio di Pisidia, 1959, 102 (Pers. II, 107); Theoph., 1883, I, 303. 29–304. 3; 307. 3–6).

Как свидетельствует агиографический памятник VII в., известный под названием «Житие Анастасия Перса», в эпоху Ираклия армия Восточной Римской империи еще могла разговаривать по-латыни. Один монах, свидетель погребения, казненного по приказу Хосрова II Парвиза, мученика Анастасия Перса, десять дней спустя, 1 февраля 628 г., встречается с императором Ираклием и его войском. Этот монах беседует с солдатами Ираклия «ῥωμαϊστί», т. е. «по-римски». Пауль Шпек на основании этого пассажа полагал, что в эпоху Ираклия византийская армия еще использовала латинский язык в качестве обиходного [Speck, 1997, 233]. Подобное заключение представляется, впрочем, не вполне убедительным, так как из более поздних византийских источников (македонского и комниновского времени) известно, что под словом «ῥωμαϊστί» византийские писатели подразумевали разговорный греческий язык жителей империи (язык ромеев), а никак не латинский. Возникает вопрос: сохраняло ли выражение «ῥωμαϊστί» в VII–VIII вв., т. е. в период, когда создавалось и редактировалось «Житие Анастасия Перса», свое исконное античное значение (язык римлян), или же в эту эпоху под «языком римлян» византийские писатели уже понимали разговорный греческий язык жителей империи, язык ромеев? Более вероятно второе. Однако в пользу латиноязычия армии Ираклия можно привести еще один аргумент. Анастасий Перс, до обращения ко Христу носивший имя Магундат и являвшийся зороастрийским мобедом, служил вместе со своим братом в персидском войске Шахина (в действительности, как доказал П. Шпек, — в войске Шахрбараза). После взятия Иерусалима в 614 г. и похищения персами Животворящего Креста Магундат заинтересовался христианством, и около 616 г. дезертировал из персидской армии. Рассказ о том, что Магундат просто предпочел жить вместе с христианами, следует признать агиографическим клише и свидетельством совершенно неправдоподобным. Некоторые выражения в тексте «Жития» выдают работу позднейшего редактора (VIII в.) и позволяют сделать вывод о том, что в исходной версии текста памятника, составленной

в начале 630-х гг., содержались сведения о переходе Магундата на сторону римлян и о его кратковременной службе в римской восточной экспедиционной армии Филиппика. Сообщение о том, что после захвата Шахином Халкидона (согласно мнению П. Шпека, в исходной редакции речь шла о захвате Шахрбаразом Карфагена) Магундат вместе со своим войсковым подразделением достиг *μέρος ἀνατολῆς* (*in partem Orientis*) для участия в боевых действиях против Филиппика, с нашей точки зрения, представляет собой позднейшее искажение первоначального выражения *μέρος ἀνατολῆς*. Это означает, что Магундат не просто покинул брата и дезертировал из войска Шахина (= Шахрбараза*), но перешел на сторону противника и вступил в ряды восточной экспедиционной армии, которой командовал ромейский военачальник Филиппик, имевший священный сан пресвитера. Только в этом случае становится понятным, почему Магундат, не говоривший по-гречески, вскоре после своего дезертирства нашел пристанище в христианской общине Иераполя. Пауль Шпек исследовал текст памятника и пришел к выводу о том, что первоначальная редакция «Жития», написанная в VII в., опиралась на протокол допроса Магундата-Анастасия, состоявшегося в 623 г., вскоре после его ареста персами в Кесарии Каппадокийской, где располагалась персидская военная администрация завоеванной Каппадокии. Магундат-Анастасий как бывший азат (*Ritter*) иранского царя царей был обвинен персидским Марзабаном в государственной измене и заподозрен в шпионаже в пользу римлян. Позднее, в VIII столетии, монахи, редактировавшие «Житие», изменили текст в соответствии с агиографическими клише и при помощи придуманных диалогов подчеркнули религиозный характер обвинения: Магундат-Анастасий был обвинен Марзабаном в отступничестве от зороастризма и в принятии христианства [Speck, 1997, 202–205]. Исходное содержание обвинительного заключения, отразившееся в первоначальной редакции «Жития», не оставляет никаких сомнений в том, что Магундата-Анастасия осудили не за переход на христианство и даже не за факт дезертирства из персидского войска, а за шпионаж в пользу императора Ираклия, т. е. за переход на сторону противника.

Бывший солдат Магундат в Иераполе проходил катехизацию для принятия крещения под руководством некоего перса-христианина, серебрянных дел мастера, созерцающая иконы и священные изображения, ибо не знал греческого языка [Speck, 1997, 190]. Но если Магундат не владел греческим, как тогда он служил в восточноримской армии до своего оглашения и общался с другими христианами, которые не были его соплеменниками? Между тем, как уже было отмечено, реконструкция исходного текста «Жития» свидетельствует о том, что в 616 г. Магундат, дезертировавший из рядов персидского войска, переброшенного из-под Карфагена, завербовался в ряды восточной экспедиционной армии (*μέρος ἀνατολῆς*). Как отмечал П. Шпек, «Халкидон» в тексте «Жития» представляет собой ошибку позднего переписчика этого текста на пергамен, который под влиянием современных ему политико-географических представлений (VIII в.) изменил название города Карфагена, указанное в авторском тексте на папирусе, на более привычное «Халкидон» и вследствие этого поменял имя персидского военачальника Шахрбараза на имя его сослуживца Шахина, действовавшего со своими войсками в Вифинии [Speck, 1997, 187–188]. Если Магундат служил в восточной экспедиционной армии и путешествовал по Сирии, не зная греческого, следовательно, в его эпоху (в 616 г.) восточноримская армия по-прежнему использовала в своем обиходе не греческий, а латинский язык, который был без сомнения Магундату ведом. Именно поэтому можно сделать закономерный вывод о том, что оригинальные речи императора Ираклия, адресованные войскам, произносились не по-гречески, а по-латыни, точно так же, как в далекие времена тетрархии и домината [Speck, 1988, 461].

Феофан отмечает, что перед выступлением в поход против Хосрова (весной 623 г.) Ираклий присоединил к армии, которая должна была быть переброшена на кораблях на южный Кавказ, множество новобранцев. Император активно тренировал свою армию, в основном состоявшую из конных латников армянских князей нахараров, обучал ее различным маневрам и тактическим приемам (Theoph., 1883, I, 303.

10–17). В Константинополе, возможно, некоторое время оставалась императорская гвардия – т. н. *obsequium*, на основе которой впоследствии при преемниках Ираклия будет сформирована фема «Опсикий» [Haldon, 1984, 142–150]. Для этого император должен был хорошо знать содержание популярных военных трактатов своего времени: сочинения Элиана, Асклепиодота, Арриана и Псевдо-Маврикия, дошедшие до нас в единой рукописной традиции, а также, возможно, сборник Полиена.

Имел ли Ираклий время для вдумчивого чтения богословских сочинений, которые могли дать ему интеллектуальную пищу для идейного осмысления событий идущей войны? Очевидно нет. Как же в таком случае император готовил свои религиозные речи, адресованные солдатам? Патриарх Сергей остался в Константинополе и не мог составлять эти речи для Ираклия, находившегося на театре боевых действий. В свете сказанного мы должны сделать вывод, что автором богословского обоснования борьбы с персами как борьбы за освобождение Животворящего Креста и за поруганную Церковь была Мартина, ибо Мартина сопровождала мужа в военных походах и располагала временем как для чтения богословской литературы, так и для составления религиозно-политических речей для императора. Как показала Клаудия Людвиг, главным героем поэтических произведений Георгия Писиды после «нового Давида» – Ираклия, был не патр. Сергей, как считалось прежде, а именно Мартина [Ludwig, 1991, 73–128]. Поэтому совершенно логично, что императрица делилась с придворным поэтом своими богословскими и политическими идеями. В отличие от Ираклия, который всю жизнь провел в седле во главе своих войск, Мартина получила классическое римское образование в доме своей матери (сестры Ираклия) в Карфагене, где в начале VII в. еще витал гений Кориппа. Основная идея Мартины, пересказанная потом Ираклием солдатам, заключалась в борьбе за освобождение поруганной Церкви, за честь христианских дев (этот аспект борьбы лишней раз подчеркивает участие императрицы в составлении речей Ираклия), а Животворящий Крест был лишь видимым символом этой борьбы. Подобная идея в полной мере соответствовала военно-политическому богословию Евсевия Кесарийского, изложенному им на рубеже 330–340-х гг. в «Жизнеописании Константина», и обоснованному библейским примером пророка Моисея. «„Поим Господеви, славно бо прославися: коня и всадника вверже в море. Помощник и покровитель бысть мне во спасение“. И еще: „Кто подобен тебе в бозех, Господи, кто подобен Тебе? Прославлен во святых, дивен в славе, творяй чудеса“ (Исх 15:1–2, 11)», – цитирует Евсевий Моисея, описывая битву у Мульвийского моста (Eusebius VC I. 38.).

«Пусть не смущает вас, братья, многочисленность врагов. Если Бог захочет¹, то один прогонит тысячи. Таким образом, пожертвуем собой Богу за спасение наших братьев. Примем мученические венцы, чтобы нас и потомки похвалили, и Бог воздал бы нам награду» (Theoph., 1883, I, 310. 26–311. 2), – пересказывает Ираклий солдатам письма своей жены во время похода в персидский Азербайджан.

Победа Ираклия над Хосровом II и кратковременное возрождение военной мощи Восточной Римской империи в конце 620-х гг. привели к тому, что Мартина и Ираклий полностью восприняли ветхозаветную экзегетику Евсевия Кесарийского. Поэтому императорская чета назвала своего сына, родившегося через два года после победы 7 ноября 630 г., Давидом в честь иудейского царя – победителя Голиафа (старший из доживших до 641 г. сыновей Ираклон родился в Грузии еще во время войны с персами, 3 мая 626 г.). Спустя неполных восемь лет, 4 или 7 июля 638 г., отрок Давид был коронован как цезарь, в то время как его страшный брат Ираклон был провозглашен августом (Const. Porph. de ser. II. 27). В 641 г. Давид был провозглашен августом и получил тронное имя Тиберий (Niceph. Brev. 31) [PRLE, 1980, 390]. Возможно, что знаменитая серия серебряных миссориев с изображением сцен из жизни царя Давида, найденная в т. н. втором кипрском кладе из Караваса, была отчеканена специально

¹ Не эти ли слова императрицы Мартины, пересказанные Ираклием, через посредничество Анастасия Библиотекаря вдохновили Урбана II на то, чтобы бросить на соборе в Клермоне в 1095 г. знаменитый лозунг «Deus lo vult»?

по случаю провозглашения Давида цезарем в 638 г. или же августом в 641 г. Миссории Давида, помимо их художественного значения, являются важным источником для реконструкции комплекса вооружения, парадной и повседневной одежды восточноримских солдат и чиновников первой половины VII в. Не исключено, что после низложения Мартины и ее сыновей и их изувечивания осенью 641 г. сторонники узурпатора Константа II изымали из обращения монеты Ираклона и Давида, а также любые предметы, напоминавшие об их кратковременном правлении. В этих условиях кто-то из богатых киприотов собрал и спрятал миссории Давида в надежном месте, которое затем было забыто вследствие гибели местных жителей во время арабских морских набегов или насильственного переселения киприотов в Малую Азию в период первого царствования Юстиниана II Ринотмета (685–695; 705–711) [Ditten, 1993, 308–317].

Ираклий и Мартина недолго наслаждались плодами победы над Хосровом II. Как полагает Парване Пуршариати, вторжение арабских племен, объединенных новой религией Магомета, в византийские владения на Востоке началось уже в 628 г., т.е. сразу же после победы Ираклия над персами [Pourshariati, 2008, 166–173]. Это наступление быстро сделало союз Ираклия, заключенный с узурпатором Фарруханом Шахрбаразом (629–630) и дочерью Хосрова II персидской царицей Бурандохт (630–631), неэффективным и привело к достаточно скорой потере римлянами всех восточных провинций, которые были с большими усилиями отвоеваны у персов и где, возможно, еще оставались персидские гарнизоны (например, в Египте войска Шахрбаразы оставались до 629/630 г. (Ps. Sebeos, 1904, 88)). Окончательная потеря Египта, ставшая свершившимся фактом уже после кончины Ираклия и Мартины, имела колоссальные культурно-исторические последствия для империи. В 642 г. арабские фанатики захватили Александрию [Weihammer, 2000, 256–257]. Римский экспедиционный корпус Мануила, отправленный в 645 г. правительством нового императора Константа II для освобождения столицы Египта, год спустя был наголову разгромлен [Weihammer, 2000, 279–280]. В результате Константинополь лишился не только житницы, которая снабжала восточные провинции хлебом со времен Октавиана Августа, но также источника массового и дешевого материала для письма — папирусов. Следствием этого стала потеря значительного количества древних свитков — книг и документов — в последующие десятилетия, ибо писцы не успевали копировать приходившие в ветхое состояние свитки на новый чрезвычайно дорогой материал для кодексов — пергамен. Этим обстоятельством во многом объясняется общий культурный кризис византийского общества во 2-й пол. VII — 1-й пол. VIII вв., способствовавший развитию иконоборчества.

Позднейшие пропагандисты, служившие после 641 г. узурпатору Константу II, поспешили обвинить в поражениях императрицу Мартину, которая якобы обольстила Ираклия, будучи его племянницей, и вступила с императором в незаконный антиканонический брак. Хотя в действительности брак Мартины и Ираклия получил церковное благословение и не встретил никакого противодействия со стороны патриарха Сергия [Speck, 1987, 374–375]. При Константине IV (668–685) к этим обвинениям против Мартины прибавились новые, и не только против Мартины, но уже и против самого Ираклия. Императорскую чету посмертно обвинили в пропаганде моноэнергизма и монофелитства, которые были объявлены ересью на III Константинопольском Соборе 680–681 гг. Подобная пропаганда сто лет спустя, при императрице Ирине (780–802), стала составной частью «досье» Георгия Синкелла, а затем повествования Феофана. Эта пропаганда предопределила двусмысленное отношение к Ираклию византийской церковной традиции, для которой, с одной стороны, Ираклий был победителем персов и освободителем Животворящего Креста («Житие Феодора Сикеота», «Пасхальная хроника»), а с другой стороны, еретиком, блудником и неудачником, сдавшим Сирию арабам (Феофан и отчасти Никифор).

Но, несмотря на неблагодарность потомков, идея борьбы за Животворящий Крест, которая была осмыслена Мартиной и озвучена Ираклием перед солдатами во время персидской войны 623–628 гг., оставалась актуальной на протяжении трех

веков непрерывных византийско-арабских войн вплоть до Никифора II Фоки (963–969) и Иоанна I Цимисхия (969–976). Эта идея делала Константинопольскую империю в глазах германских королей и племен форпостом христианства на пути агрессивного магометанства. О присутствии крещеных германцев — готов-тетракситов, а также гепидов — как в войсках предшественников Ираклия, так и в его собственной армии свидетельствует хотя бы тот факт, что незаконный сын императора, рожденный еще до брака с Мартиной, возможно, от готской женщины, носил готское имя Аталарих. Если бы готы не продолжали служить империи, причем служить с доблестью, Ираклий не стал бы называть своего отпрыска готским именем, а дал бы ему римское или греческое имя даже несмотря на привязанность к любимой женщине. Три столетия спустя германский император Оттон II (973–983) в своих обращениях к Василию II (976–1025) признавал его своим старшим братом. В эпоху Алексея I Комнина (1081–1118) идея первенства Константинополя в деле борьбы с сарацинами повлияла на идеологию англосаксов, скандинавов, норманнских и франкских рыцарей, служивших Византийской империи. Это обстоятельство может в некоторой степени служить обоснованием предположения Питера Франкопана о том, что проект Первого Крестового похода в действительности был рожден не под сводами Клермонского собора, а в портиках Влахернского дворца [Francopan, 2012, 71–89]. Ибо не с колокольни Клермонского собора, а из окон Влахернского дворца маленькая принцесса Анна Комнина созерцала в марте 1091 г. зарево пожарищ, зажженных печенегами вокруг константинопольских стен, которые успешно обороняли в августе 626 г. от аваров и славян гвардейцы Ираклия и Мартины. Воспоминания Анны Комниной о рыцарях-крестоносцах, которых она видела в детстве при дворе своего отца [Lilie, 1987, 49–148], красноречиво свидетельствуют о том, как могла воспринимать готов и гепидов, служивших в армии Ираклия, императрица Мартина во время своего участия в персидской кампании на южном Кавказе.

Как справедливо отмечал А. А. Фролов, именно запретная любовь Ираклия и Мартины, заклеянная позднейшей византийской литературой за кровосмешение, провоцировала Ираклия требовать у слабых преемников Хосрова II Парвиза возвращения Животворящего Креста, которое могло бы послужить оправданием императора в глазах смущенного ромейского общества [Frolow, 1953, 105]. Мартина и Ираклий, защищавшие свой брак перед обществом при помощи возвращения захваченного персами Животворящего Креста, сами того не ведая, заложили основу будущей крестоносной идеи, которая много веков спустя, в роковом 1204 г., привела Византию к гибели.

Источники и литература

Источники

1. Фирдоуси (1989) — *Фирдоуси*. Шахнаме. Т. VI: От начала царствования Йездгерда, сына Бахрама Гура, до конца книги / Пер. Ц. Б. Бану-Лахути и В. Г. Берзнева. М.: Наука, 1989.
2. Chron. Pasch. — *Chronicon Pascale* / Hrsg. v. Ludwig Dindorf, CSHB. Bonn, 1832.
3. Chronique de Séerte (1907) — *Chronique de Séerte ou Histoire Nestorienne* / Par Mgr. Addai Scher // PO 17, T. IV. F. 3. Part. I. Turnhout: Brepols, 1907.
4. Const. Porph. de cer. — *Constantini Porphyrogeneti De ceremoniis aulae byzantinae* / Hrsg. v. Johan J. Reiski. Bonn, 1829. Vol. I.
5. Eusebius VC — *Eusebii Pamphili Vita Constantini* / Hrsg. v. Friedrich Adolf Heinichen. Leipzig, 1830.
6. Festugière — *Festugière André-Jean*. Vie de Théodore de Sykéon. Vol. I, II. Bruxelles: Société des Bollandistes, 1970.
7. Giorgio di Pisidia (1959) — *Giorgio di Pisidia*. I. Panegirici epici. A cura di Agostino Pertusi. Ettal: Buch-Kunstverlag, 1959.

8. Guillaume de Tyr (1986) — *Guillaume de Tyr. Chronique* / Par R. B. C. Huygens. CH. C. Cont. Med. 63. Turnhout: Brepols, 1986. Vol. I, II.
9. Julianus — *L'Empereur Julien. Oeuvres complètes. Discours de Julien César (I–V)* / Par J. Bidez. Paris: Les Belles Lettres, 2019.
10. Niceph. — Nikephoros, Patriarch of Constantinople. Short History / Text, Transl. and Comm. by C. Mango. Washington, D. C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection. 1990.
11. Nöldeke (1893) — *Nöldeke Th. Die von Guidi herausgegebene Syrische Chronik*. Wien: F. Tempsky, 1893.
12. Ps. Sebeos (1904) — *Ps. Sebeos. Histoire d'Héraclius*. Trad. par Frédéric Macler. Paris, 1904.
13. Theoph. (1883) — *Theophanis Chronographia* / Hrsg. v. K. De Boor. Leipzig, 1883. Vol. I.
14. Theoph. Continuatus — *Theophanes Continuatus. Chronographia* / Hrsg. v I. Bekker // *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*. Bonn: Weber, 1838.
15. Theoph. Simoc. — *Theophylacti Simocattae Historiae* / Hrsg. v. Peter Wirth. Stuttgart: Teubner 1972.
16. Val. Anon. — *Valesianus Anonymus. Origo Constantini* / Hrsg. v. Ingemar König. (Trierer historische Forschungen XI). Trier: THF, 1987.
17. Zotenberg (1883) — *Zotenberg H. Th. Chronique de Jean, Évêque de Nikiou. Texte Éthiopien publié et traduit*. Paris, 1883.

Литература

18. Бобров (2011) — *Бобров Л. А. Средневековая боевая маска-личина из музея искусств Метрополитен (Нью-Йорк)* // *Вестник Новосибирского Государственного Университета*. 2011. Вып. 10 (3). С. 204–209.
19. Болотов (1907) — *Болотов В. В. К истории императора Ираклия* // *Византийский Временник*. 1907. Т. XIV. С. 68–124.
20. Горелик (1984) — *Горелик М. В. О средневековых восточных шлемах с масками и одной центральноазиатской изобразительной традиции* // *Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии*. Вып. 7. М., 1984. С. 79–80.
21. Гумилев (1962) — *Гумилев Л. Н. Подвиг Бахрама Чубины*. Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1962.
22. Каждан (1961) — *Каждан А. П. Из истории византийской хронографии X в. 1. О составе так называемой «Хроники Продолжателя Феофана»* // *Византийский Временник*. 1961. Т. 19. С. 78–96.
23. Мехамадиев (2018) — *Мехамадиев Е. А. Византийская армия в 626–628 годы: Ближневосточная граница и армянские провинции* // *Ученые записки Казанского университета*. 2018. Т. 106. Вып. 6. С. 1384–1401.
24. Негин (2010) — *Негин А. Е. Римское церемониальное и турнирное вооружение*. СПб.: Нестор-История, 2010.
25. Негин, Кириченко (2013) — *Негин А. Е., Кириченко А. А. К вопросу о боевом применении шлемов с масками в римской армии* // *Вестник Нижегородского университета*. 2013. Т. 5 (1). С. 245–253.
26. Baum (2005) — *Baum W. Shirin Christian Queen: Myth of Love*. Kottayam. 2005.
27. Beihammer (2000) — *Beihammer A. D. Nachrichten zum byzantinischen Urkundenwesen in arabischen Quellen (565–811)*. *Ποικίλα Βυζαντινά* 17. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2000.
28. Daryaei (2009) — *Daryaei T. Sasanian Persia. The Rise and Fall of an Empire*. London; New York: I. B. Tauris, 2009.
29. Diehl (1904) — *Diehl Ch. Théodora, impératrice de Byzance*. Paris: De Boccard, 1904.
30. Ditten (1993) — *Ditten H. Ethnische Verschiebungen zwischen der Balkanhalbinsel und Kleinasien vom Ende des 6. bis zur zweiten Hälfte des 9. Jahrhunderts*. Berlin: Akademie Verlag, 1993.
31. Drapeyron (1869) — *Drapeyron L. L'empereur Héraclius et l'Empire byzantin au VIIe siècle*. Paris: E. Thorin, 1869.
32. Frankopan (2012) — *Frankopan P. The First Crusade: The Call from the East*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 2012.

33. Frolow (1953) — *Frolow A. La Vraie Croix et les expéditions d'Héraclius en Perse // Revue des études byzantines. 1953. Vol. 11. P. 88–105.*
34. Garland (1999) — *Garland L. Byzantine Empresses. Women and Power in Byzantium, AD 527–1204. London; New York: Routledge, 1999.*
35. Greatrex, Lieu (2002) — *Greatrex G., Lieu S. L. C. The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars, P. II, A. D. 363–630. London; New York, 2002.*
36. Haldon (1984) — *Haldon J. F. Byzantine Praetorians. An Administrative, Institutional and Social Survey of the Opsikion and Tagmata, c. 580–900. Ποικίλα Βυζαντινά 3. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GMBH, 1984.*
37. Kaegi (2003) — *Kaegi W. E. Heraclius. Emperor of Byzantium. Cambridge: University Press, 2003.*
38. Lilie (1987) — *Lilie R.-J. Der Erste Kreuzzug in der Darstellung Anna Komnenes // Varia II. Beiträge von A. Berger, L.-A. Hunt, R.-J. Lilie, C. Ludwig und P. Speck. Ποικίλα Βυζαντινά 6. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GMBH, 1987. S. 49–148.*
39. Ludwig (1991) — *Ludwig Claudia. Kaiser Herakleios, Georgios Pisides und die Perserkriege // Varia III. Beiträge von W. Brandes, S. Kotzabassi, C. Ludwig und P. Speck. Ποικίλα Βυζαντινά 11. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GMBH, 1991. S. 73–128.*
40. Olajos (1976) — *Olajos Th. La Chronologie de la dynastie avare de BAIAN // Revue des études byzantines. 1976. Vol. 34. P. 151–158.*
41. PLRE (1980) — *Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II: 395–527. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.*
42. PLRE (1992) — *Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. III: 527–641. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.*
43. Pourshariati (2008) — *Pourshariati P. Decline and Fall of the Sassanian Empire. The Sassanian-Parthian Confederacy and the Arab Conquest of Iran. London; New York: I. B. Tauris, 2008.*
44. Rubin (1960) — *Rubin B. Das Zeitalter Justinians. Berlin; New York: Walter De Gruyter, B. 1. 1960; B. 2. 1995.*
45. Schamper (2015) — *Schamper J. Studien zur Paraderüstungsteilen und anderen verzierten Waffen der Römischen Kaiserzeit. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH, 2015.*
46. Speck (1987) — *Speck P. Die Interpretation des *Bellum Avaricum* und der Kater Μεχλεμπέ: Der Protest des Patriarchen Sergios gegen die Heirat des Herakleios mit Martina // Varia II. Beiträge von Albrecht Berger, Lucy-Anne Hunt, Ralph-Johannes Lilie, Claudia Ludwig und Paul Speck. Ποικίλα Βυζαντινά 6. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GMBH, 1987. S. 374–375.*
47. Speck (1988) — *Speck P. Das geteilte Dossier. Beobachtungen zu den Nachrichten über die Regierung des Kaisers Herakleios und die seiner Söhne bei Theophanes und Nikephoros. Ποικίλα Βυζαντινά 9. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GMBH, 1988.*
48. Speck (1993) — *Speck P. Eine Gedächtnisfeier am Grabe des Maurikios. Die Historiai des Theophylaktos Simokates: der Auftrag; der Fertigstellung; der Grundgedanke // Varia IV. Beiträge von S. Kotzabassi und P. Speck. Ποικίλα Βυζαντινά 12. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GMBH, 1993. S. 175–254.*
49. Speck (1997) — *Speck P. Das Martyrion des heiligen Anastasios des Persers und die Rückkehr Leichnams // Varia VI. Beiträge zum Thema Byzantinische Feindseligkeit gegen die Juden im frühen siebten Jahrhundert nebst einer Untersuchung zu Anastasios dem Perser. Ποικίλα Βυζαντινά 15. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GMBH, 1997. S. 177–266.*
50. Zuckerman (2013) — *Zuckerman C. Heraclius and the return of the Holy Cross // Constructing the Seventh Century / Ed. by C. Zuckerman. Paris, 2013. P. 197–218.*